БИБЛИОГРАФИЯ

DOI 10.25991/VRHGA.2023.1.1.027
УДК 1(091); 111.85

М. А. Богатов, А. А. Синицын*

«ЗАВЕЩАНИЕ» ФРАНСУА ФЕДЬЕ РУССКИМ ЧИТАТЕЛЯМ: ДВА ЭТЮДА О РОССИИ, НАРОДЕ, ВЛАСТИ И КРАСОТЕ (О книге: Федье Ф. «Мир спасет красота». В России / пер. с фр. П. Епифанова. СПб.: Jaromír Hladík press, 2020)**

В статье представлен обзор небольшой книги французского философа, писателя, публициста и переводчика Франсуа Федье (1935–2021), в которую вошли два этюда, обращенные к истории России, русской литературе и культуре: ФЕДЬЕ, Ф. «Мир спасет красота». В России / пер. с фр. П. Епифанова. СПб.: Jaromír Hladík press, 2020. — 120 с. ISBN: 978–5–60431267–4. Авторы обсуждают темы народа и власти, философии и политики, красоты и гармонии, которые французский философ рассматривает в этих своих сочинениях. Анализу подвергаются взгляды Федье на античную культуру, на различие европейского и русского менталитетов. Что касается истории античной мысли, то Федье затрагивает две важных темы: во-первых, проблему перевода важнейших для гуманитарного знания терминов — в частности, с древнегреческого на латынь, — который осуществили древнеримские философы. Здесь, следуя канве «истории бытия» М. Хайдеггера, Федье говорит о «роковых» для всей истории европейской мысли интерпретациях. Однако, в отличие от Хайдеггера, он полагает, что римляне «перехватили» греческие смыслы, не дав раскрыться своим собственным. Из этого, согласно Федье,

* Богатов Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, Саратов; m_bogatov@mail.ru

Синицын Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, Санкт-Петербург; aa.sinizin@mail.ru

** Данный очерк является расширенным вариантом доклада, который был прочитан на конференции «Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций», проходившей в сентябре 2022 г. в Социологическом институте РАН (филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург). Текст выступления был опубликован в сборнике по материалам чтений [18, с. 112–121]. Авторы признательны участникам секции «Византия в западно-европейском и славянском контекстах» за комментарии и дельные замечания, высказанные при обсуждении доклада.

следует не только их собственная судьба, но и общеевропейская судьба государств и народов. Во-вторых, внимание Федье концентрируется на понятии «народ». Второе эссе посвящено поездке Федье в Россию, то рассуждение о «народе» распространяется уже не только на античные значения этого термина, но и на различие в русском и преимущественно немецком его понимании. Здесь в суждении Федье скрывается своего рода наивный ход мысли: философ пытается совместить свои первичные личные впечатления от виденного в России с некими ментальными конструкциями, которые ему знакомы (в частности, он опирается на работы Хайдеггера). Проблема в том, что первичные личные впечатления Федье получает сквозь призму сформировавшихся западных клише о России и русской культуре, которыми полнится европейское сознание. Поскольку эти устойчивые межкультурные оптики видения служат условием восприятия, то и суждения Федье о понимании народа и народности в России получаются достаточно своеобразными. Ярче всего это заявляет о себе, когда он старается вникнуть (в ходе диалога с В. В. Бибихиным) в авторскую концепцию русской истории (Бибихина), и, одновременно с этим, в вытекающую из этой концепции переводческую стратегию, применяемую русским мыслителем по отношению к Хайдеггеру. Здесь заявляет о себе одно примечательное обстоятельство: французское представление о народе у Федье куда ближе немецкому представлению Хайдеггера, чем бибихинская попытка схватить в мысли своеобразие русского понимания народности. Перед нами диалог, который не может состояться по принципиальным исходным установкам собеседников.

Ключевые слова: Ф. Федье, Россия, народ, власть, сопротивление, государство, культура, М. Хайдеггер, В. В. Бибихин, Ф. М. Достоевский, «мир спасет красота», дом, политика.

M. A. Bogatov, A. A. Sinitsyn

FRANÇOIS FÉDIER'S "TESTAMENT" TO THE RUSSIAN READERS: TWO ESSAYS ABOUT RUSSIA, THE PEOPLE, THE POWER AND THE BEAUTY (Review of the book: Fédier F. "The World will be saved by Beauty". In Russia / trans. by P. Epifanov. St. Petersburg: Jaromír Hladík press, 2020)

The article is a review of a little book by philosophy- and culture-oriented essays by a French philosopher, writer, publicist and translator, François Fédier (1935–2021), which consists of two essays addressing the history of Russia, Russian literature and culture: FÉDIER, F. "The World will be saved by Beauty". In Russia / trans. from the French by Peter Epifanov. Saint Petersburg: Jaromír Hladík press, 2020. — 120 p. ISBN: 978-5-60431267-4. The authors discuss the themes of the people and the power, the philosophy and the politics, the beauty and the harmony, which the French philosopher considers in his works "The World will be Saved by Beauty" and "In Russia". It analyzes Fédier's views on the ancient culture, as well as the European and Russian mentality. As to the history of the ancient thought, Fédier touches upon two important themes: first, the issue of translating terms, which are fundamental in the classical scholarship, in particular, from the Ancient Greek into Latin, as was the practice with the ancient philosophers. Here, following Martin Heidegger's rendering of the "real history", Fédier speaks about interpretations that proved "fatal" for the whole history of the European thought. Yet, contrary to Heidegger, he believes that the Romans "absorbed" the Greek understanding having nipped their own in the bud. Here hence, according to Fédier, it is not only their own destiny, but also the common European destiny of states and nations. Second, Fédier concentrates on the notion of 'the people'. The second essay is devoted to Fédier's journey to Russia (to Moscow, to visit Vladimir Bibikhin, and to the village of Azarovka, off Moscow, to Olga Sedakova's home), and his discourse on "the people" goes beyond the ancient meanings of the term to encompass the differences in its understanding by Germans and Russians. Here Fédier reveals his naïve train of thought: the philosopher tries to match his initial personal impressions of whatever he has seen in Russia with certain mental, familiar constructions (in particular, he draws upon Heidegger's works). The trouble is that Fédier perceives Russia

and the Russian culture through the prism of the established Western clichés, which constitute the European conscience. Since these set intercultural visions determine his perception, Fédier's judgments of "the people" and "the national character" are rather peculiar. He is at his best when he attempts to grasp (during his dialogue with V. V. Bibikhin) the Bibikhin conception of the Russian history, and, at the same time, the ensuing translation strategy applied by the Russian thinkers to Heidegger. Here, one thing does stand out: Fédier's French perception of the people is much closer to that that the Germans mean by "das Volk", which M. Heidegger shares, than to Bibikhin's attempt to grasp the peculiarity of the Russian perception of the national character. So, before us is the dialogue that cannot happen because of the principal differences in the interlocutors' stands. The present report purports to analyze these tenets.

Keywords: François Fédier, Russia, people, power, resistance, state, culture, Heidegger, Bibikhin, Dostoevsky, "The World will be Saved by Beauty/La beauté sauvera le monde", home, politics.

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
Федор Тютчев (1866)

В середине 2020 г. в петербургском издательстве «Jaromír Hladík press» вышел перевод философско-культурологических очерков Франсуа Федье, обращенных к России, ее истории и культуре. Русские читатели уже знакомы с другими произведениями известного французского мыслителя, писателя, публициста и переводчика [21; 22 (в 2010 г. появилось 2-е издание сборника, в который вошли работы «Воображаемое» и «Власть»); 23]. В 2010 г. в известном петербургском издательстве Ивана Лимбаха вышел перевод небольшой работы Ф. Федье «Голос друга» (русское издание подготовлено О. А. Седаковой), где философ разворачивает и истолковывает один интересный пассаж из Hauptwerk М. Хайдеггера «Бытие и время» [24; 2-е исправленное издание: 25].

Новая книга, о которой пойдет речь, тоже малого формата и небольшая по объему. Она включает предисловие от переводчика, два сочинения Ф. Федье и общие примечания к разделам (предисловию и очеркам), составленные автором русского перевода Петром Епифановым (за редкими исключениями, где указано, что данное примечание принадлежит самому Федье). Мы предлагаем не рецензию в строгом смысле слова, скорее, это эссе, в котором представлен краткий обзор книги французского мыслителя, с некоторыми замечаниями и возражениями, побуждающими к дальнейшему обсуждению.

В предисловии [26, с. 5–12] П. Епифанов рассказывает о встрече Ф. Федье с М. Хайдеггером в 1958 г., которая «определила весь его (Федье. — *М. Б., А. С.*) собственный путь в философии» [26, с. 6]. Рассказывается об отношениях молодого французского философа и маститого германского мастера, об интересе Федье к «малому космосу человека» и его посещении дома Хайдеггера во Фрайбурге, избушки учителя в Шварцвальде и крестьянского домика в Месскирхе, где родился немецкий мыслитель. Слова «ученик» и «учитель» встречаются в предисловии многократно. Как пишет Епифанов, Хайдеггер стал для Федье «живым образом, олицетворением философии… и просто дорогим человеком»; его хайдеггероведческие штудии «сродни беззаветному хранению рыцарской присяги», а «Непоколебимая верность побуждает его многие годы печатно и устно защищать учителя в самых прискорбных моментах

его биографии, учения, частных и публичных высказываний» [26, с. 7; см.: 35, p. 151–168, 181–187; 36, p. 256–277; 23 — апология М. Хайдеггера в связи с нападками на него со стороны Виктора Фариаса, опубликовавшего в 1987 г. работу «Хайдеггер и нацизм»]. Это нашло отражение и в обсуждаемой нами книге. В предисловии, датированном ноябрем 2019 года, упоминается о семинаре, посвященном «Черным тетрадям» М. Хайдеггера, который Ф. Федье проводил в Швейцарии в феврале-марте 2019-го (ныне записи «Черных тетрадей» 1942–1948 гг. опубликованы по-русски: [29]).

Особую живость предисловию придают замечания личного характера: П. Епифанов рассказывает о своем первом знакомстве с Ф. Федье, об их беседах в доме философа в Париже, о памятном уголке Владимира Бибихина в квартире Федье и его «поручении» подготовить перевод «Тетрадей» Симоны Вейль (как признается переводчик, спустя 12 лет, он исполнил завет старого философа [26, с. 11]).

П. Епифанов отмечает, что два очерка, помещенные в книге, были отобраны для публикации самим Федье. Они были написаны в 2001 и 2002 гг. Как указано в примечаниях, перевод на французский язык Ф. Федье выполнил с немецкого текста; на французском очерки были изданы в Париже в 2008 г. [34; см. 26, с. 100, прим. 1]. Первая статья — итог работы семинаров на тему «Тоталитаризм и нигилизм», которые Федье вел в миланском университете им. Л. Боккони (L'Università Commerciale Luigi Bocconi) в 1998–2001 гг. Материалы семинаров впервые были опубликованы по-итальянски [26, с. 101, прим. 6], а затем они вошли во французский сборник 2008 года.

Первый этюд «Мир спасет красота» [26, с. 13–50] начинается с суждения о феномене семинара и цели семинарских занятий [26, с. 15–18][*]. Федье понимает семинар как *общность* людей, собравшихся для общего дела (здесь философ припоминает и платоновскую συνουσία), как подлинно коллективный труд индивидуумов, который дает взаимное обогащение. Слово συνουσία/ξυνουσία встречается во многих диалогах Платона, в целом свыше полсотни раз; см. [33, p. 336–337, s. v. συνουσία]. На русский язык его можно перевести как «знакомство, связь, (со)общение, (со)общество, совместная беседа, совместные занятия, собрание»; а еще «совместная пирушка» (Plato, *Leg*. 652a). Лексикограф Ф. Аст указывает для этого термина аналоги в латинском языке («societas, consuetudo, usus, congressus, sermo, disputatio, tractatio, studium») и в немецком: «germ. *Umgang*» [33, p. 336]. По Федье, семинар — единство различий, единение раз-личностей, это «не множество отдельных индивидов, но множество человеческих существ, то есть множество поводов быть внимательными к подлинной инаковости» [26, с. 18]. Будем и мы внимательными, подключаясь к мысли французского философа.

---

[*] О содержании понятия семинар (лат. *seminarium* — «рассадник», «питомник», «источник») и истории антиковедческих семинаров в России см.: [13, с. 60–78, с литературой: 158–162]. «На полях» текста заметим, что оба автора данной статьи являются выходцами из одного семинара по античной культуре, который уже более 30 лет существует при кафедре истории древнего мира Саратовского государственного университета [14; 11].

Основная проблема, рассмотрению которой Федье посвятил первый бокконский семинар — сущность тоталитаризма. Мыслитель говорит о тоталитарных системах, развитии идеи тоталитаризма и, в связи с этим, обращается к понятиям (все)общности, (все)цельности («Все-целого») и (самое главное!) народности [26, с. 18–37]. Основной тезис философ сформулировал так: «мыслить о «тоталитарном» есть предельное воплощение старой логической темы всеобщего» [26, с. 20]. Федье работает с латинским и древнегреческим словами *universus* и καθόλου, привлекая классические словари, подбирает аналогичные слова из современных языков (в первую очередь, конечно, из немецкого — языка Хайдеггера): das Ganze, die Ganzheit [26, с. 23 слл., 29 слл.]. Для осмысления «народности» французский философ привлекает немецкое «Popularität» — «слово Гёльдерлина», как считает Федье; ср., однако, комментарий П. Епифанова, где говорится, что этот термин появляется в немецкой литературе до Фридриха Гёльдерлина (1770–1843), со ссылкой на работу Г. А. Бюргера 1784 года [26, с. 105, прим. 27]. По Федье, термин Popularität (фр. Popularité) «следует понимать как потенциальную связь каждого *народа* со Все-целым…» [26, с. 27].

Федье указывает на «один из хуже всего понятых моментов учения Хайдеггера» о «забвении бытия», чему способствовали переводы древними римлянами эллинских философских текстов на *свой* язык, на латынь [26, с. 26 слл.]. Такое толкование хайдеггеровской мысли Федье называет «глупостью», «нелепостью» и предлагает свое истолкование проблемы «забвения». Он говорит, что римляне «сэкономили» на «первоначальном обучении», не совершив усилий, чтобы раскрыть «свою собственную народность», они посчитали, что «обрести некое знание можно через присвоение». В этом намерении римлян и заключается «римская вина… перед римской народностью» [26, с. 27]. Мы не можем однозначно согласиться с суждением, что именно это самонадеянное, дерзкое, гибристичное (либо и впрямь — «глупое») «присвоение» римлянами «чужого» привело к «забвению бытия», будто это и стало роковой причиной того, что философия сбилась со своего изначального курса, заданного эллинами. В этом отношении Федье приводит собственную версию мысли, являющейся одной из ключевых для творчества «позднего» Хайдеггера. Подобная стратегия — следуя взглядам учителя, открывать собственные пути обоснования и ходы мысли, — характерна не только для Федье, но и для другого ученика Хайдеггера и ближайшего друга Федье — Жана Бофре (сошлемся на его четырехтомник «Диалогов с Хайдеггером»: [4; 5; 6; 7]).

Двигаясь по пути, проторенному учителем, философ отталкивается от известного аристотелевского толкования сущего (τὸ ὄν) в «Метафизике» и размежевывает понятия «совокупность» и «цельность». Федье призывает нас *быть внимательными* к тому, что говорят наши романские языки и хранить верность духу наших языков, а именно от этого, по его мнению, отступили римляне, когда старались переложить эллинские тексты на язык своей культуры и *изменили* духу своего языка. «Этот вид измены имел место, уже когда римляне пытались перевести слова греческой философии, не исходя из того, что в состоянии сказать латинский язык» [26, с. 31–32]. Как поясняет Федье, согласно Хайдеггеру, «этот перевод был *событием катастрофическим* (курсив наш. — *М. Б., А. С.*); но чуть ли не все толкуют это воистину по-идиотски…

Хайдеггер упрекает не латынь, но взгляд римлян на греческую культуру» [26, с. 32]. Эти рассуждения (и учителя, и истолковывающего его идеи ученика) о «переводческой «измене»» бесспорно интересны. Мы не сомневаемся, что они окажутся полезны для дальнейших исследований проблемы изменения направления в онтологии, но опять же предостережем: и здесь не все так однозначно.

Федье настраивает на внимательном отношении к словам, к говорению романских языков, вслед за Гёльдерлином, он призывает «открыть наши уши!», чтобы проникнуть в дух *своего* и *иного* языка. Однако в данном случае, мы видим, что слишком уж широкими мазками изображена картина «философской катастрофы» по Хайдеггеру, т. е. тот поворот (или переворот), который определил всю историю европейской мысли. И ключевая роль в этом переломе (которую Федье называет «изменой») отводится прагматичным римлянам — деятелям скороспелым и ленивым («римская оптика уже заботится о «разделении труда», определяя, где и как оптимально действовать, чтобы просто воспроизвести уже готовое» [26, с. 32–33]), причем речь идет не о конкретных «реципиентах», а о совокупных римлянах.

Обратим внимание на то, что здесь Федье не дает точных ссылок на источник/источники, как, впрочем, и в иных случаях. Вероятно, это можно объяснить тем, что перед нами доклад, прочитанный на семинаре, хотя этот текст автор затем готовил к печати, и следовало бы, — дабы быть внимательным к тому, что говорят классические памятники, — представить ссылочный аппарат, не говоря уже об удобстве оного для читателей. Это не посчитал нужным указать и переводчик, хотя, надо сказать, что П. Епифанов проделал значительную работу, подготовил полезные комментарии к русской версии двух этюдов Федье (о чем см. ниже).

Тот переход, который здесь совершает Федье, является квинтэссенцией данной работы: «римляне изменили своей народности» [26, с. 33]. Почему здесь говорится о «народности»? Да и правильно ли здесь использовать определения «народ» и «народность» применительно к римлянам, причем, опять же, в общем смысле: римлянам от Архаики (так называемого Царского периода) до эпохи Империи, гражданам города Рима и великой Римской империи in toto? Верно ли это? Не правильнее ли сказать «своей культуре», или «ментальности», духу (Geist), духу культуры и т. п.? Но для Федье именно суждение о «народности» имеет ключевое (сущностное для этой работы) значение.

Что касается понятия «народ» в отношении древних греков и римлян, то применительно к эллинам говорить о едином «народе» — неверно, поскольку античные греки не были едины, да и не стремились к единению и цельности. Эллины жили полисами, и их главными, полисными, ценностями были автократия и автономия (см., например, [19]). Но гражданин полиса — это не представитель *народа*, поскольку это не все те, кто народился и жил в том или ином греческом полисе, а только мужи-граждане, владевшие земельным наделом, участвовавшие в общих собраниях, которые единственные были его телом и обязаны встать на защиту своего отечества в случае войны. В Риме было иначе. Но, как и в случае с Элладой, здесь нужно говорить о разных исторических периодах из многовековой истории этих двух культур. Что такое римский народ — в древнеримском или нашем (нынешнем) смысле — скажем так, в ис-

следовательской оптике? Речь идет о populus Romanus? Но под это определение попадают только *граждане* Рима, а не все народы, которые входили в состав Римской республики, тем паче Римской империи, когда держава ко II в. н. э. достигла наибольших размеров и включала множество разноязыких народов. И это уже спор не о тонкостях перевода — французского текста самого Федье или всякого перевода, о чем идет речь в этой его работе. Это уже посыл к разговору о переводе культур.

Следующая часть этой работы (воспоминание о втором семинаре) посвящена искусству [26, с. 37–50]. Здесь Федье снова отталкивается от Канта, от «эстетического суждения» в третьей «Критике» и продолжает тему всеобщего, цитируя кенигсбергского классика: «*Прекрасно* то, что нравится всеобще без [посредства] понятия». Философ рассуждает об индивиде и всеобщем, о всеобщем человеке, о романе как жанре и великом романе, о метафизике, прекрасном и гармоничном. Делается поворот к «Идиоту» Ф. М. Достоевского и главному герою этого великого романа.

Интересны суждения о нигилизме и глобализации; последнюю философ толкует как «явление чистого и простого исчезновения мира за тотальностью реального» [26, с. 43]. «В эпоху законченного нигилизма человек полностью востребован тотальной мобилизацией реального» [там же]. Отметим, что в данном случае Федье напрямую *указывает* на то «незримое сообщество», в которое, среди прочих, включался не только Хайдеггер, но и Эрнст Юнгер, и которое в исследовательской литературе принято называть «консервативной революцией». В частности, здесь речь идет о «тотальной мобилизации», давшей имя одноименной работе (1930; русское издание: [32]), которую Хайдеггер не раз, наряду с эссе «Рабочий. Господство и гештальт» (1932), делал предметом специального рассмотрения в рамках своих семинаров. О принадлежности самого Федье к «консервативной революции» мы судить не беремся, но, скорее всего, здесь следует говорить именно об *указании*, а не о *включенности*.

И что понимать под реальным? Скорее, как считают авторы этой статьи, в эпоху «законченного нигилизма» человек тотально обложен ирреальным, фейковыми явлениями, которые подменяют действительность и сами становятся реальностью (сошлемся на недавнюю работу нашего коллеги и друга К. П. Шевцова «Современный мир как общество фейка» [30; см. также его статью о структуре Я в новом формате сетевой коммуникации: 31]). С другой стороны, возможно, тотальность нигилизма заключается в том, что ничего реального, кроме этих ирреальных и фейковых явлений не способно проникнуть в «скорлупу» современного мировоззрения, т. е. они и предстают единственно возможной реальностью для современников *на самом деле*? Разве что красота раскроет фейковый Popanz (пугало) и тем самым спасет мир?

Эта часть завершается заряжающим суждением о возможности и надобности удержания мира, и заботливым призывом читателей к такому со-действию. Для окончательного определения сущности и назначения *прекрасного* Федье прибегает опять же к Фридриху Гёльдерлину и обращается к поэтам-соотечественникам: Ш. Бодлеру и А. Рембо [26, с. 46–49]. Заметим, что обращение к творчеству Гёльдерлина играет значительную роль в творчестве «позднего» Хайдеггера (см., например, [28]). Первые строки гёльдерлиновского

гимна «Патмос» в его окончательной редакции 1802 года («Но где опасность, там вырастает / и спасительное») Хайдеггер делает решающим рефреном для своего программного доклада «Вопрос о технике» (1953) [27, с. 234]. Обращение Федье к французским поэтам, таким образом, продолжает линию, начатую Хайдеггером, постоянно *внимавшему* именно немецкой поэзии.

Федье приводит бодлеровскую сентенцию «Прекрасное всегда необычайно» и сравнивает эту фразу со словами князя Мышкина в «Идиоте» Достоевского: «Красота — загадка». Следом философ цитирует Гёльдерлина: «Но чистота есть тоже Красота»; а замыкает этот ряд поэтических цитат ссылкой на Рембо, который «научился приветствовать красоту» (в оригинале: «Je sais aujourd'hui saluer la beauté»). Приводится строка из финала стихотворения Рембо с мистическим названием «Бред II. Алхимия слова» — произведения вдохновенного, но которое сложно заподозрить в благочестии и чистоте. Доклад Федье завершается пафосно, этаким философским выводом-пожеланием: «Уметь ПРИВЕТСТВОВАТЬ красоту» (второе слово выделено прописными буквами самим автором) — отсылка к *бредовому* («Délires II») стихотворению Рембо. Призыв к спасению мира красотой звучит как завещание читателям *et orbi*. Но в одной колее суждений философа, говорящего о Красоте и Спасении, оказываются Достоевский и Рембо. Стихи юного французского самородка, возможно, интересные, однако их автор говорил о beauté иного рода и (на) значения (как говорится, sapienti sat est), нежели та красота, которую видел и славил русский писатель.

Достоевский свидетельствовал о спасительной духовной красоте. Рассуждая о русской философии верующего разума, А. Л. Казин формулирует: «Истина — это дух, постигнутый в бытии, … красота — это дух, воплощенный в предметном образе» [10, с. 237; 10а, с. 33]. Открытость и особая чуткость Льва Николаевича Мышкина, человека, как говорится, не от мира сего, чьи слова Федье использовал для названия своего очерка, относятся к красоте в другом «режиме истины» [17, с. 234, 236; и в целом этот очерк А. К. Секацкого о князе Мышкине как философе]. Мы помним, что русский писатель-мыслитель разделял красоту на вышнюю и низменную. В рукописях романа «Братья Карамазовы» содержится: «Высшая красота не снаружи, а извнутри» [Рукописный отдел Института русской литературы РАН, Фонд 100. № 29444 = 1, с. 119, № 33 (1)]. А мир спасет *вышняя* красота — красота Спасителя, божественная, которая и есть (по Достоевскому) единственно истинная, чистая (см., например, работы: [16; 15; 20; 8; 9, с. 363–466]). В черновых набросках к роману «Бесы» Достоевский пишет: «Мир спасет красота Христова» [цит. по: 12].

Но Федье пытается, вопреки пушкинскому афоризму, «в одну телегу впрячь коня и трепетную лань». Как при miscellanea разнозначных цитат и смыслов выстроить Все-целое, Все-общее, если, следуя завету самого Федье, оставаться предельно внимательным к словам и смыслам? Вероятно, французский философ-хайдеггерианец считает, что пресловутая «всеобщность» запросто позволяет всё это сопрячь, слить воедино *различные* сущности: алхимию слова и красоту Христову. Судя по всему, в этом и заключается собственное видение Федье, к которому он нас приглашает?

Второй этюд, «В России» — почти биографический, почти мемуарный; он написан под впечатлением о поездке четы Федье в Россию [26, с. 51–99]. «Мы с моей женой были в Москве со вторника 17-го до четверга 26 сентября 2002 года», — так начинает автор. Но это работа философская, главные темы которой: политика и культура, опять же тоталитаризм, опять же проблемы народа и народности (теперь уже не отвлеченно, о народе вообще, а о русском народе), о русской литературе, доме и прочих аспектах России, виденных автором прежде через философские и художественные тексты, и увиденные в начале 2000-х воочию. Он признается: «для чего еще я приехал сюда, если не узнать, смогу ли я увидеть Россию. Но что для меня Россия? Всю жизнь она для меня связана прежде всего с книгами… Кроме того, Россия для меня — это еще иконы. Наконец, для меня… это еще и русская поэзия» [26, с. 55–56].

Федье сразу, с первого же абзаца текста, начинает с разделения: Россия — не есть Европа. Хотя далее, проводя различие между Москвой/Россией и Западом, он оговаривается: «Что никоим образом не означает, спешу заметить, будто Россия предстала мне страной неевропейской» [26, с. 64]. Вначале Федье дифференцирует: «Но в «мире», в котором мы живем, *хоть на Западе*, *хоть в России*, уже *нет места для политики в подлинном смысле слова* (курсив наш. — *М. Б., А. С.*). Воображать себе обратное — значит лишь показывать, что мы не имеем понятия о том, чем политика могла бы, а вернее, должна быть» [26, с. 53]. Суждение о неверном понимании политики, может быть, и верно для современного западного европейца. Но здесь важна вторая часть процитированного фрагмента: чем должна являться политика? К этой теме Федье вернется позже, когда от описания московских и подмосковных впечатлений сделает поворот к суждению о народе.

«В России» много замечаний о советской эпохе, в которой Федье — как и большинство западных европейцев, даже (или: тем более) мыслящих — видит только порочность; оптика, конечно, односторонняя и неверная, искаженная духом европейского либерализма. Например, первое упоминание о Павле Флоренском сопровождается справкой соответствующего характера: «арестованный советской властью 25 февраля 1933-го и расстрелянный 8 декабря 1938 года» [26, с. 54]. При упоминании отца Сергия Булгакова приводится цитата о «варварстве», «земле, раздавленной чугунным прессом «советской власти» вместе с миллионами человеческих жизней» [26, с. 56]. Федье вспоминает поэта Осипа Мандельштама: «Где лежит тело Мандельштама? Где-то недалеко от Владивостока. Думая об Осипе Мандельштаме, нам приходится стерпеться с мыслью, что и он был сброшен в общую могильную яму» [26, с. 58]. И таких удручающих примеров много. В том же духе дополняет и переводчик в примечаниях. Например, Епифанов цитируя сочинение И. Канта, указывает автора русского перевода и делает пояснение: «пер[евод] проф[ессора] Арташеса Сараджева, казненного в 1937 году» [26, с. 104, прим. 22]. Или Федье говорит, что они с женой поселились на квартире В. В. Бибихина «на улице Кадомцева (между речкой Яузой и железной дорогой, ведущей в Сибирь)» [26, с. 56], и Епифанов помещает примечание ad locum, к упоминанию Ярославской железной дороги: «Отсюда же увозили осужденных в лагеря восточной части Союза» [26, с. 113, прим. 79]. Всё это,

конечно, сущие детали, причем, детали уточняющие (кто спорит?), но все они весьма характерные.

Как при первом, так и при повторных прочтениях «В России» сохраняется ощущение, что этот воспоминательный очерк написан в серых тонах, так что становится мрачновато от федьевского восприятия и живописания современной России и ее советской (да и не только) истории. Здесь и о «крестьянской черте, не стертой городской жизнью», когда он говорит о молчании соседей, молчании города, о том, что люди проходят, не глядя друг на друга, о неучтивости от невоспитанности крестьян [26, с. 59–60]. «Тому, что мы называем воспитанностью (и даже «цивилизованностью») изначально нет места в образе жизни селян» [26, с. 60]. Что ж, с этим тезисом можно согласиться, особенно, если ты хорошо знаком с рассказами Ги де Мопассана, в которых французский писатель описывает жуткий быт и нравы крестьян (разумеется, его соотечественников) конца девятнадцатого столетия (взять, например, новеллу «Крестины»); а также нельзя не вспомнить романы Эмиля Золя, Виктора Гюго и других классиков французской литературы о судьбах трудового народа, об отверженных, униженных и оскорбленных.

Впечатляет рассказ о том, как супругов Федье проводила москвичка, чтобы показать им дорогу к консерватории имени Чайковского, а в конце она угостила их пирожными [26, с. 61–62]. Поступок этой русской женщины Федье характеризует как черту «подлинно и глубоко народную. «Народную» в смысле, который я не постесняюсь назвать метафизическим» [26, с. 62]. И здесь мыслитель переходит к главной теме: народ и власть. Приведем федьевское определение понятия «народ», которое нам представляется идеализированным, а потому искаженным и не резонным, не отражающим действительное положение вещей. ««Народом» должно считаться все множество людей, которые отказываются (по любым причинам — как добрым, так и дурным) осуществлять какую-либо власть, … для них жизненно важно никогда не вступать с ней в контакт» [26, с. 63].

Здесь, впрочем, следует сделать одно уточнение. Вся эта часть книги — встреча с четой Бибихиных и поездка с ними в Азаровку к Ольге Седаковой — являет собой диалог с В. В. Бибихиным — как с русским переводчиком Хайдеггера, равно как и с русским оригинальным философом. Помимо диалога (речь о нем ниже), здесь Федье дает своего рода итоговое понимание этой встречи. Определение «народа» у Федье — это несколько грубый вывод из того, что разрабатывает Бибихин в своем лекционном курсе «Введение в философию права», прочитанном в 2001/2002 учебном году в МГУ и, в несколько измененном виде — в Институте философии РАН (русское издание обоих вариантов: [3]). Там, среди прочего, Бибихин кладет в основание идеи русского права (в котором неписаное право превалирует над писаным) сюжет о судьбе Бориса и Глеба, поведение которых, отказ от кровавой власти Бибихин характеризует в качестве парадигмального основания отношения «власть — народ»*.

* Процитируем промежуточный вывод из этого сюжета, важный для понимания позиции Федье, изложенный В. В. Бибихиным в статье «Власть России»: «Что произошло с властью при передаче ее в год смерти князя Владимира? Кто должен был ее взять (Борис

Важным для восприятия русского духа (взгляд со стороны) является рассказ о поездке в русскую «глубинку» — в деревню Азаровку, где супруги Федье гостили в доме Ольги Седаковой. Здесь дано описание ветхой деревянной избы, сада, речной заводи, внутри дома — печь и стол [26, с. 68–72]. Вероятно, Федье не мог не вспомнить здесь скудость в убранстве шварцвальдского домика Хайдеггера. Вспоминая о своих переживаниях России, Федье признается, что ему все кажется символичным и делает экскурс о символе, символичности и понимании искусства, как бы отступая от основной — русской — темы («То, что в этом вопросе дала мне поездка в Россию, стало кульминацией давно начатого размышления» [26, с. 73]).

Экскурс о символе продолжает рассуждение о символе русской души, каковым Федье считает Варлама Шаламова. Автор пересказывает и цитирует его «Колымские рассказы». Говоря об антагонизме межу властью и народом, Федье приводит один фрагмент из «Ректорской речи» Хайдеггера, где немецкий философ говорит: «А быть народом — во-первых и прежде всего остального, означает: сопротивляться» [26, с. 78]. Призывая к «тонкому вслушиванию в слова», Федье предупреждает о «риске путаницы», когда возникает слово «сопротивление» [26, с. 79 сл.]. Эти осторожности в большей мере ориентированы на европейского читателя, который связывает термин «сопротивление» с антигитлеровским движением Сопротивления во время Второй мировой войны. Федье поясняет, что в его понимании слово «народ» включает «человеческое множество, которое не чувствует себя вправе осуществлять какую-либо власть» [26, с. 81]. Но народ не только не осуществляет власть, он ей противостоит. И здесь возникает тема партизан [26, с. 82–83], хотя, заметим, исторически партизаны — это группы, оказывающие сопротивление не своей, а чужой власти. Довольно большой раздел о политике, народе, власти, сути руководства

любимый сын), ее не взял, отшатнулся в ужасе, не вступил в борьбу с жадным злом. Преклонение перед их поступком в русской церкви и в народе означает: этот народ отшатывается от страшной власти, легко отталкивает ее от себя и выпускает из рук, не хочет идти на противление злу, не полагается на силу, не думает, не заботится о своей телесной и о вечной душевной погибели берущих власть, и не потому что слаб и от трусости поддался насилию, а оттого что предпочел ослепнуть от черного блеска зла чем вглядеться в него. Ему отвратительно вступать в прения с властью, если она такая. Он боится не силы рук, против которой одной как против медведя у него может быть нашлось бы мужество бороться, а гадости и злобы, прикосновение которых хуже чумы, прилипчивее заразы. Внешне после этого отступления окончательно упрочивается деспотическая власть, диктатура, и наблюдатель констатирует все признаки несвободы, рабства. Мы уже заметили например двусмысленное, не запрещенное и не разрешенное, в ссылке и в загоне существование философии у нас. Если вглядеться однако, то здесь не чрезмерная робость, почва деспотии по Аристотелю, а умение видеть в глубине сердца. Со злом силой рук не справиться. В этом взгляде тоже есть мужество, но для особого сражения, без попытки устроиться так чтобы по возможности отгородиться от зла, пусть оно потеснится за стены хорошо отлаженного порядка. Тут ощущение, что если не мы то кто же; что больше некому принять нездешний удар; что зло, если уж оно дотянулось до нас, то от него теперь не уклонишься, не отодвинешь его за горный хребет. Против него только эти, на взгляд самоубийственные средства, за которые схватились Борис и Глеб: смирение; молитва; беззащитная чистота» [2, с. 71; пунктуация передана по этому изданию].

и противостояния Федье представляет в форме диалога заинтересованного и отвечающего (который выступает как бы толкователем высказываний М. Хайдеггера). Здесь несложно догадаться, что в качестве вопрошающего выступает сам Федье, а в качестве отвечающего — В. В. Бибихин, поскольку речь идет об особенности переводческих решений в русском тексте Хайдеггера, которые мы находим в бибихинских переводах. Можно предположить, что Федье либо делал наброски во время (или после) бесед с Бибихиным, либо, возможно, даже записывал их на диктофон.

Внимание Федье сосредоточено на противопоставлении народа и власти. «Народ» — слово, давно ставшее одним из политических и политологических реперов, им вдохновляют, пугают, клянутся, от имени которого избирают(ся), во имя которого свершают разные поступки (причем, иногда не совсем чистые и благие). Автор этюда «В России» и здесь старается попасть в колею мысли своего учителя (о хайдеггеровском истолковании понятия «народ» (Volk) см. в книге Тома Рокмора «О нацизме и философии Хайдеггера» главы «The *Volk*» и «The *Volk* and Silence (*Schweigen*)» [36, p. 189–203].) В немецком языке слово das Volk — Neutrum, среднего рода (в русском, как и во французском people — это слова мужского рода), но это понятие более широкое, чем «граждане» (в немецком: Bürger, Staatsbürger). Граждане — не все те, кто народился и наполняет государство, ибо это понятие включает только тех, кто его (государство) составляет, т. е. гражданским коллективом, кто обладает правами граждан государства (как δῆμος в древнегреческих полисах или populus в истории древнего Рима). Однако Федье смещает смысловые акценты, чтобы показать, что *народ* — это всегда оппозиция *власти*.

На наш взгляд, если отыскивать антоним «народу» — это «знать». Представители народа противопоставлялись представителям знати = аристократии, т. е. лучшим. Так было столетиями: когда последние (аристократы, благородные) имели власть и распоряжались ею, а первые (так называемые люди из народа, простолюдины) никакой власти не имели, не были допущены и неспособны к властвованию (к управлению, к принятию решений) в государстве или своей территории. Иначе было в античной полисной культуре, откуда и происходят определения, связанные с властью: аристократия, демократия, тирания, монархия, олигархия, да и тимократия, охлократия и прочие -архии, -кратии. Возвращаясь к античной проблематике, заметим, что для эллинов противопоставление народ — власть вообще неуместно, такое противоположение нелепо, поскольку в древнегреческих полисах δῆμος (традиционно переводят это слово как «народ», а δημοκρατία как «народовластие», что неверно) — это только полноправные граждане полиса, которые и осуществляли власть своего города-государства. Мы хотим обратить внимание только на то, что противопоставлением понятию «народ» (= простолюдины) во все времена была в первую очередь «знать» (фр. noblesse, aristocratie — дворянство, благородное сословие).

В ряде случаев, когда Федье пишет о русской культуре, проступают устойчивые топосы (речевые, смысловые, культурные cliché), как про русских медведей, водку, балалайку и балет. Сам автор в одном месте признается, что «В течение всего нашего пребывания в России (я говорил об этом своей жене) меня *мучили клише*, *мешающие восприятию* того, что мы… можем назвать

русской «народностью» (курсив в цитате наш. — *М. Б., А. С.*)» [26, с. 75–76]. Философ пытается совершить опыт осмысления России, но, на наш взгляд, он остается в рамках сложившихся веками стереотипов и выражает шаблонное для европейского человека (даже для образованного, даже для самостоятельного культурного мыслителя) представление о России и *par exellence* советской России, содержание и роль которой для русской и мировой истории XX столетия Федье *воспринимает* (увы, не *осмысливает*) негативно (*сугубо в европейской либеральной парадигме*). Эти сочинения Ф. Федье о России, русском народе и русской культуре адресованы, в первую очередь, западному читателю, читателю интересующемуся и, возможно даже, симпатизирующему России, но находящемуся в вековых кандалах cliché, из которых французский мыслитель и не пытается его вывести, продуцируя миф о русской (ино)народности.

Как помним из русской классики, «Умом Россию не понять, / Аршином общим не измерить. / У ней особенная стать — / В Россию можно только верить». Эти строки были написаны русским поэтом-мыслителем, политиком и дипломатом, «одним из первых наших «культурологов» и «геополитиков»» [10, с. 50] Федором Ивановичем Тютчевым, который, по определению А. Л. Казина, дал «поэтическую формулу русской истории и культуры» [10, с. 51]. Разъясняя «формулу Тютчева», изложенную в стихотворении «Эти бедные селенья…» (1855), Казин пишет: «Потому Русь и недоступна для чужого (гордого, холодного) взгляда. … Чтобы ее заметить, мало быть умным (умнее всех, как известно, темный дух), надо иметь “сердце болезнующее”» [10, с. 52]. А суждения-рассуждения «гордого взора иноплеменного» (в том же тютчевском стихе) о «сопротивлении, которое есть как бы сама душа народа» [26, с. 96] выглядят как литературный exercice, как эстетический опыт постороннего. (Интересные наблюдения о противопоставлении двух призм и векторов мировоззрения — новоевропейского ratio («гордая фаустовская душа Запада») и христианского верующего разума русской культуры — см. в монографии и статье А. Л. Казина: [10; 10а].)

По-видимому, Федье, воспитанный в рамках формального (писаного) правового сознания, не может до конца понять мысль Бибихина о господстве более фундаментального, неписаного права, чтобы не говорить при этом о «сопротивлении». Неписаное право для него, по большому счету, это то, что недосмотрели, что следует «учесть» и включить в *писаное*. Либо же оно сугубо негативно, поскольку только к писаному нельзя не относиться с уважением. Если же мы хотим удержать уважение к неписаному, то только ценой причисления его представителей к той или иной разновидности «сопротивления». И здесь принципиальное расхождение между позицией Бибихина и Федье*. Но последний понимает, искренне старается понять все так, как он может. Впрочем, и сам французский мыслитель говорит об одном из «неискоренимых предрас-

* Опять же, «на полях» отметим, что для исследователей творчества В. В. Бибихина приводимый здесь диалог между Федье и Бибихиным представляет особый интерес в нескольких отношениях. Во-первых, русский философ поясняет свои переводческие решения в весьма непростых политических вопросах, и, во-вторых, мы видим моментальную рецепцию и интерпретацию подобных решений со стороны европейского, в данном случае, французского философского сознания.

судков»: «считать предназначением философии предоставлять концептуальные инструменты, с помощью которых человечество справлялось бы с «проблемами», присущими его состоянию» [26, с. 21]. Назначение философии в том, чтобы осмыслить эти проблемы, «с полным осознанием и ясностью трудиться над избавлением от привычек, мешающих нам мыслить» [26, с. 22]; «Философия есть знание, которое рассматривает сущее как таковое в целом» [26, с. 28, 29].

Последний раздел книги составляют примечания, подготовленные переводчиком П. Епифановым (как это отмечено в [26, с. 100, прим. 1]), кроме нескольких, которые принадлежат Ф. Федье (все они указаны, как, например, примечания 51, 76). Здесь свыше 100 примечаний, значительную часть которых составляют пояснения к французским, а также немецким и латинским словам, встречающимся в тексте Федье. Многие пояснения полезные. Есть большие примечания (на полторы страницы), с цитатами и ссылками (например, 53, 78, 97). Есть пояснения из области сравнительной географии, как, например, прим. 86 [26, с. 114], где указываются размеры и площадь Московского Кремля и сада Тюильри.

Авторы статьи не знакомы с оригинальным текстом двух этих этюдов Федье, но перевод Епифанова вызывает доверие. И то отношение, с каким переводчик подготовил примечания (несмотря на наше несогласие с некоторыми его суждениями и истолкованиями), и содержание пролога с личными зарисовками, уместны в издании и украшают его. Особо хотим отметить язык перевода, проникнутость (приближающаяся к посвященности) переводчика в язык и духовный мир французского философа.

Да и в целом книга технически выполнена аккуратно, можно сказать, подготовлена с любовью. Хотя встречаются мелкие неточности. Например, латинское существительное среднего рода universus пишется то в кавычках, то без оных, то со строчной буквы, то (почему-то?) с прописной: «Universus» [26, с. 23]. Есть разного рода опечатки, как, например, на с. 45 неверно расставлены диакритические знаки: τό̲ ὅλον (ср. на с. 23 правильное написание артикля с тупым ударением в том же слове). На стр. 45 указана инфинитивная форма латинского глагола salvare («спасать»), а в переводе указана совершенная форма глагола: «Спасти — это salvare»; ср. также [26, с. 110, прим. 55]. Название книги Готфрида Августа Бюргера «Von der Popularität der Poesie» вернее передать «О популярности поэзии», т. е. без предлога «в», как это делает Епифанов: «О популярности в поэзии» [26, с. 105, прим. 27]. Или вот еще замечание: в этом же примечании переводчик отмечает: «Важным, насущным и плодотворным, в особенности для сегодняшней России, представляется нам (т. е. самому автору комментария. — *М. Б.*, *А. С.*) возвращение французским мыслителем в философский словарь, *с обновленными и точными определениями* (курсив наш. — *М. Б.*, *А. С.*), этих двух понятий — *народ*… и *народность*, дискредитированных как русской имперской идеологией XIX века, так и пропагандой тоталитарных режимов XX века». По поводу названных понятий, «дискредитированных», по словам Епифанова, «русской имперской идеологией» — это непонимание духа истории (не только русской). Да и в чем, спросим мы, этно-культурная специфика дискредитации понятий именно *русской*, а не английской, германской или той же французской идеологией?

В примечаниях встречаются редкие справки о писателях, историках и философах, которых упоминает Федье (правда, эти справки даны весьма избирательно и они скупые, как, например, о К. У. Бёлендорфе или Ж. Бофре: прим. 37, 50). Французский философ демонстрирует знакомство не только с русской художественной литературой (поэзия и проза), но и мемуаристикой, что отметил Епифанов [26, с. 118, прим. 108]. Федье вовлекает в обсуждение французских, немецких, итальянских и русских писателей, философов (из русских участвуют Гоголь, Достоевский, Мандельштам, Пушкин, Шаламов, Бибихин, С. Булгаков, о. П. Флоренский, Седакова).

Второй очерк завершается признанием-посвящением «Я всем сердцем думаю о вас, мои друзья из России…» Многоточие в конце — говорящий знак, используя который, автор, по-видимому, намекает читателю на недосказанность и возможное продолжение обсуждения темы. Этот очерк датирован осенью 2002 г. В издании 2008 года Федье поместил дополнение post scriptum: «Владимир Вениаминович Бибихин умер в Москве 12 декабря 2004 года».

И мы свой обзор тоже завершим многоточием… (Тем самым приглашая читателей к дальнейшему разговору на темы, которые были заданы французским философом в этих очерках.)

P. S. Через несколько месяцев после выхода книги на русском языке, 28 апреля 2021 года в Париже умер Франсуа Федье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андрианова И. С. (отв. ред.). Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова. — СПб.: Изд-во РХГА, 2021.

2. Бибихин В. В. Власть России // Наше положение: Образ настоящего. — М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2000. — С. 67–79.

3. Бибихин В. В. Собрание сочинений. Т. II. Введение в философию права. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2013.

4. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4 кн. Кн. 1: Греческая философия / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Владимир Даль, 2007.

5. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4 кн. Кн. 2: Новоевропейская философия / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Владимир Даль, 2007.

6. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4 кн. Кн. 3: Приближение к Хайдеггеру / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Владимир Даль, 2009.

7. Бофре Ж. Диалог с Хайдеггером: в 4 кн. Кн. 4: Путь Хайдеггера / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Владимир Даль, 2009.

8. Евлампиев И. И. Тезис Ф. М. Достоевского «мир спасет красота» и его религиозные и культурные истоки // Вестник культурологии. — 2021. — № 4 (99). — С. 23–43.

9. Евлампиев И. И. Образ Иисуса Христа в философском мировоззрении Ф. М. Достоевского. 2-е изд. — СПб.: Изд-во РХГА, 2021.

10. Казин А. Л. Событие искусства: классика, модерн и постмодерн в пространстве русской культуры. — СПб.: Российский институт истории искусств; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020.

10а. Казин А. Л. Русская философия верующего разума // Русская философия. — 2022. — Вып. 2. — С. 9–35.

11. Карагушинова А. Научный семинар «Collegium classicum» отпраздновал свое 30-летие // Саратовский национальный исследовательский университет имени Н. Г. Чернышевского. Новости. — 6 июня 2021. — URL: https://www.sgu.ru/news/2021–07–06/nauchnyy-seminar-collegium-classicum-otprazdnoval (дата обращения: 09.01.2022).

12. Катасонов В. Ю. Красота спасет мир? // Камертон: Сетевой литературный и исторический журнал. — 2020. — № 126. — 25 апреля 2020. — URL: https://webkamerton.ru/2020/04/krasota-spaset-mir (дата обращения: 21.12.2021).

13. Кащеев В. И. Научный историко-филологический семинар как форма становления творческой личности: Прошлое. Настоящее. Перспективы // Инновационные подходы к развитию личности. Ч. 2: Серия монографий. — Одесса: Куприенко СВ, 2019. — С. 60–78, 158–162.

14. Кащеев В. И., Синицын А. А. Colloquium classicum–II: Проблемы античной истории и классической филологии. К XX-летию научного семинара «Collegium classicum» // Античный мир и археология. — 2010. — Вып. 14. — С. 418–431.

15. Новикова Е. «Мир спасет красота» Ф. М. Достоевского и русская религиозная философия конца XIX — первой половины XX вв. // Достоевский и XX век. В 2-х т. / под ред. Т. А. Касаткиной. — М.: Изд-во ИМЛИ РАН, 2007. — Т. 1. — С. 97–124.

16. Розенблюм Л. «Красота спасет мир» (О «символе веры» Ф. М. Достоевского) // Вопросы литературы. — 1991. — № 12. — С. 142–180.

17. Секацкий А. К. Князь Мышкин, философия и государство // Секацкий А. К. Размышления: Эссе. — СПб.: Лимбус пресс, 2015. — С. 229–247.

18. Синицын А. А., Богатов М. А. Античность — Европа — Россия: О «роковых интерпретациях» в языковом и культурном переводах (замечания к взглядам Франсуа Федье, изложенным в книге о русской культуре) // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.) / отв. ред. О. Н. Ноговицин. — СПб.: Изд-во РХГА, 2022. — С. 112–121.

19. Суриков И. Е. Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012.

20. Тумаркина Л. В. Красота спасет мир? Философские основания прекрасного в этике Ф. М. Достоевского и Н. Ф. Федорова // Философия и общество. — 2019. — № 1. — С. 111–126.

21. Федье Ф. Воображаемое // Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. Федье Ф. Воображаемое. Власть / пер. с фр., общ. ред. и послесл. В. В. Бибихина. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — С. 35–92.

22. Федье Ф. Власть // Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. Федье Ф. Воображаемое. Власть / пер. с фр., общ. ред. и послесл. В. В. Бибихина. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — С. 93–136.

23. Федье Ф. Хайдеггер: анатомия скандала / пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб.: Владимир Даль, 2008.

24. Федье Ф. Голос друга / пер. с фр., коммент., вступит. заметки О. А. Седаковой. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010.

25. Федье Ф. Голос друга / пер. с фр., коммент., вступ. заметки О. А. Седаковой; ред. И. В. Булатовский. 2-е изд., испр. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2018.

26. Федье Ф. «Мир спасет красота». В России / пер. с фр. П. Епифанова. — СПб.: Jaromír Hladík press, 2020.

27. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / [сост., пер., вступ. ст., коммент. и указат. В. В. Бибихина]. — М.: Республика, 1993. — С. 221–238.

28. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Тракль / пер. с нем. Н. Ф. Болдырева. — М.: Водолей, 2017.

29. Хайдеггер М. Заметки I–V (Черные тетради 1942–1948) / пер. с нем. А. Б. Григорьева; науч. ред. перевода М. Маяцкий. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

30. Шевцов К. П. Современный мир как общество фейка // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2019. — Т. 20, вып. 3. — С. 52–62.

31. Шевцов К. П. Структура сетевого Я: самосокрытие и саморазоблачение // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2021. — Т. 22, вып. 1. — С. 11–19.

32. Юнгер Э. Рабочий. Господство и гештальт. Тотальная мобилизация. О боли / пер. с нем. А. В. Михайловского. — СПб.: Наука, 2000.

33. Astius F. Lexicon Platonicum, sive vocum Platonicarum. Index. Vol. III. — Lipsiae: In Libraria Weidmanniana, 1838.

34. Fédier F. Entendre Heidegger et autres exercices d'écoute. — Paris: Le Grand Souffle Éditions, 2008.

35. Rockmore T. Heidegger and French Philosophy. Humanism, antihumanism and being. — London; New York: Routledge, 1995 (repr. 2002).

36. Rockmore T. On Heidegger's Nazism and Philosophy. With a New Preface. — Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1997.